

поведения зависимой стороны в различных сферах жизнедеятельности. Предпосылками патерналистского менталитета является отсутствие ситуации выбора и ограниченность потребностей граждан¹⁶.

В строго контролируемом государством распорядке жизни выработывались эффекты, ослабляющие необходимость в собственных усилиях, и люди отказывались принимать ответственные решения, требовать от властей заботы, социальной защиты и других гарантий. Авторский коллектив под руководством Ю. Левады отмечает, что феномен "человека советского" еще долго будет присутствовать в массовом сознании населения России¹⁷.

В настоящее время российский экономический менталитет перешел на качественно иной уровень, характеризуясь определенной противоречивостью и дуализмом. С одной стороны, наблюдается новая волна роста индивидуализма, с другой – стирание общинных традиций. Однако можно сделать вывод, что современный российский экономический менталитет все же имеет определенную «рыночную предрасположенность». Ядро его – активность и рачительность – достаточно благоприятная почва для дальнейшего продвижения к рынку. В то же время данные по соотношению «рыночного» поведения с традиционным поведением говорят о ярко выраженной специфике российского экономического менталитета, даже если мы соглашаемся признать его в целом рыночным.

Примечания

¹ См.: *Лесная Л.В.* Методологические аспекты менталитета российского социума // Ломоносовские чтения 2002 г. Т.2 (<http://www.lib.socio.msu.ru/library=d-000-00>); *Она же.* Интерпретация понятия менталитета в российских и зарубежных источниках // Ломоносовские чтения 2003 г. (Электронная библиотека социологического фа-

культета МГУ // <http://www.lib.socio.msu.ru/library=d-000-00-prompt>); *Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. №3–6.

² См.: Ментальность россиян (Специфика сознания большей группы населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М., 1997.

³ См.: *Константинова Н.В.* Философия образования // Сб. материалов конф. С.-Петербург. филос. о-ва. СПб., 2002. Вып.23. С.239–249.

⁴ См.: *Балабанова Е.С.* Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. Т.10. №3. С.67.

⁵ *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991. С.111–112.

⁶ См.: *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

⁷ *Горичева Л.* Экономические проблемы и национальное самосознание // Вопр. экономики. 1993. №8. С.44–53.

⁸ См.: *Розманский Н.В.* Бедность как часть экономической ментальности субъектов постсоветской экономики в 1990-е годы // <http://www.eesocman.edu.ru/db/msg/121747.htm>

⁹ *Бердяев И.А.* Душа России. М., 1915. С.7.

¹⁰ *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С.57.

¹¹ *Герцен А.* Голоса из России. Письмо к издателю «Колокола». Л., 1859. Кн.IV. С.122–123.

¹² *Вагин В.В.* Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. №4. С.53–88.

¹³ *Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999. С.35.

¹⁴ См.: *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социс. 2001. №1. С.57–61.

¹⁵ *Сорокин П.* Проблема социального равенства // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Соколова. М., 1992. С.252.

¹⁶ *Ланьгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л.* Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М., 1996.

¹⁷ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. М., 1993.

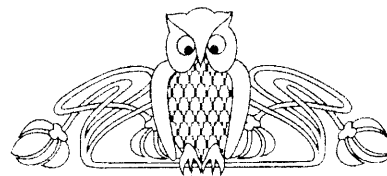
УДК 316.334.3(470+571)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

И.А. Бегина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к исследованию социального механизма властных отношений, отражающие специфику и существенные характеристики трансформации социально-политической сферы в современных российских условиях.

Transformation of Power Relations in Contemporary Russia and in the Region: the Problems of Concept Making

I.A. Beginina

The article deals with theoretical and methodological approaches to studying social mechanisms of power relations reflecting specific and substantial characteristics of transformations in socio-political field in contemporary Russia.

Отличительной чертой современного мира является его вовлеченность в глобальный процесс перемен. Наиболее важным при этом является не только факт процесса перемен, но и его качественные показатели и, прежде всего, экспоненциальные темпы развития. Исходя из этого исследование трансформационных процессов в мире в целом и социально-политической трансформации в частности представляется важной научной и практической задачей.

Перспективы вхождения России в глобально-информационное пространство в контексте реальных переходных изменений социума вызывают необходимость по-новому взглянуть на современное состояние властных отношений с позиций изменчивости, нелинейной динамики и нестабильности процессов ее развития. Это предполагает формирование нового подхода на базе сравнительного анализа неомарксистских, постмодернистских, неоконструктивистских, информационно-глобализационных и неинституциональных концепций.

Глобальные общественные изменения, постоянно отслеживаемые специалистами разных научных дисциплин и направлений, протекают различным образом и в различных режимах в конкретных обществах и чаще всего проявляются как трансформации соответствующих социально-политических структур и форм. Проблема взаимодействия стихийного и целенаправленного в процессе социальной трансформации рассматривается при этом через призму различных теоретических подходов в зависимости от инструментария, свойственного определённой научной традиции.

С этих позиций представляется возможным выделить несколько широких групп теоретико-методологических подходов исследователей. Первая группа объединяет труды тех мыслителей, чей гений открыл возможности научного подхода к исследованию окружающего мира с позиций непрерывного процесса изменений (Гесиод, Гераклит, Платон и Аристотель, И. Кант и Г. В. Ф. Гегель и др.). В их трудах заложены основы трансформационного видения социально-политических изменений.

Ко второй группе можно отнести труды основоположников социологии (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и М. Вебер и др.), которые выявили идеально-типические конструкции, которые с разных сторон отражают

онтологию, генезис и трансформацию социально-политических систем. В состав третьей группы научных исследований можно включить те, предметом которых является предельно возможный дискурс изучения трансформационных процессов в обществе (А. Дж. Тойнби, К. Ясперс, Тейяр де Шарден, М. Блок, Дж. Коллингвуд и О. Шпенглер, Т. Парсонс, К. Мангейм, К.Р. Поппер, Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, П. Рикер, М. Фуко, Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др.¹). В них введены матричные представления о параметрах социально-политического процесса, даны конкретные описания отдельных моделей трансформационных процессов как на уровне отдельных социумов, так и на уровне единого мира-системы.

Значительное место в возможности определения и изучения категории социально-политической трансформации принадлежит трудам российских исследователей², которые внесли качественно новое видение проблемы трансформационных процессов на переходной стадии развития общества, внесли важный вклад в формирование методологического аппарата, адекватного уровню и масштабу охватившего человечество процесса перемен различных сторон современности (С.Ю. Андреев, Л.С. Вартазарова, А.Н. Данилов, Г.Г. Дилигенский, В.А. Иноземцев, В.А. Ядов, Н.Н. Моисеев, Т.И. Заславская и др.³). Трансформационный переход российского общества, начавшийся в середине 1980-х гг. и не вполне завершившийся к настоящему моменту, оказался связан со многими болезненными процессами, отразившимися на различных сторонах жизни широких слоев населения. В результате в публицистике и научной литературе интенсифицировались дискуссии по ряду острых вопросов, связанных с проблематикой трансформирующегося общества. Одна из наиболее распространённых критических интерпретаций связывала часть негативных её последствий со стихийностью переходных процессов в целом. Необходимо учесть, что предыдущая стационарная модель социального устройства российского общества воспринималась многими наблюдателями как образец ярко выраженной иерархичности и управляемости.

Реальные действия политической элиты, управлявшей российским обществом на протяжении предыдущих лет, содержали в себе акцентированную установку на максимиза-

цию властного контроля над всеми сферами социальной жизни. Именно эта установка и послужила одним из основных объектов критики в политической полемике конца 80-х гг. прошлого века. Подавление неподконтрольных власти элементов социальной организации и доминирование государства, по мнению критиков, были ответственны за поражение Советского государства в социально-экономическом соревновании со странами, где рынок и гражданское общество сохранили определённую автономию от государства. Поэтому идеология раннего этапа трансформационного перехода включала в себя установку на ослабление государственного регулирования социальной жизни.

Таким образом, проблема поиска оптимальных масштабов этатизма-либерализма оказалась в центре внимания многих исследователей российской социальной трансформации. Этому способствовала и популярность синергетических концепций социальной динамики, которая подводила к идее отрицания подавления стихийной социальной энергии, если она не носит откровенно разрушительного характера. В этом плане следует отметить труды, в которых раскрываются особенности трансформации социально-политической сферы современной российской действительности⁴. Большое количество работ посвящено исследованию феномена социальной трансформации в целом⁵, либо аргументированию выбора конкретных направлений и вариантов формирования политического курса⁶. Среди большого количества исследований в этой области необходимо отметить работы А.Н. Бугреева, А.И. Демидова, М.Г. Макарова, Н.Ф. Наумовой, М.Г. Курбанова и других.

Полифония реальных изменений российского социума вызвала к жизни теорию институциональной матрицы, где основное внимание уделяется изучению устойчивых воспроизводящихся социальных отношений и структур, которые обеспечивают целостность общества и его развитие как социальной системы, задают направления и ограничения его эволюции⁷. Теория матрицы в рамках объективистской неинституциональной парадигмы применительно к изучению властных отношений в условиях российского транзита позволяет выявить устойчивые, существующие как управленческие рамки для социального поведения, глубинные общественные структуры, становление которых

обусловлено сложившимися материальными и социокультурными условиями, позволяет увидеть многообразие институциональных форм, рассмотреть взаимодействие институтов рынка, власти и управления, выявить разнонаправленность динамики социально-политических процессов в российском обществе.

Сравнительный анализ концепций дает основания для некоторых обобщений. Во-первых, достаточно большое количество научных исследований, в которых с определенных сторон дается описание трансформационных процессов, свидетельствует как о наличии определенного разброса в методологических подходах и технологиях описания социально-политической трансформации, так и о необходимости комплексного анализа и определения интегративных характеристик и критериев выделения различных моделей данного процесса.

Во-вторых, определяющими принципами традиционной методологии описания социальных процессов до сих пор являлись линейность прогрессивного развития, структурно-функциональный анализ и приверженность одномерности описания социальных процессов. Даже введение в научный аппарат принципов цикличности и волновых характеристик кривой развития не повлияли на определение точек отсчета как одной из позиций в культурологическом, цивилизационном или формационном категориальном ряду.

В-третьих, фронтальный обзор и сравнительный анализ опубликованной информации по изучаемому вопросу показали, что практически все методологические подходы к описанию трансформационных процессов доперестроечного периода в своей основе содержали не столько научные подходы, сколько идеологические предпочтения, востребованные политической практикой противостоящих друг другу социально-экономических систем.

В современных условиях изменились как скорость протекания, так и сам характер изменения социальных и политических процессов, что вызвало изменения и в тенденциях изучения социальных трансформаций. Появились теории, которые позволяют создать новую информационную матрицу для обществоведения, такие как концепции самоорганизующихся диссипативных систем, неинституциональности, глобализации и фрагментальной атомизированности и др. Они позво-

ляют по-новому рассмотреть проблему смены состояний качества и уровней структурной организации властных отношений и социальных механизмов их формирования. С их помощью возможно описание сущности трансформационного процесса в социальном поле России и регионов, выявление общего и особенного в изучаемых процессах и осуществление типологизации системной трансформации социальной основ властных отношений в переходном обществе.

Вместе с тем, несмотря на серьезную теоретическую проработку, целостной теории трансформации общественных явлений пока нет, и не прослеживается даже ее формирование. Иными словами, в настоящее время в социологической литературе обнаруживается определённый пробел в области теоретического осмысления социально-трансформационного процесса. В связи с этим наиболее целесообразной стратегией исследования представляется критическая интерпретация теоретических концепций стихийности, целенаправленности и социальных трансформаций в сочетании с анализом процесса формирования стратегий социальных субъектов, важнейшими элементами которого являются стихийность и целенаправленность. Концептуализация трансформаций, имеющих место в переходных, транзитивных обществах, на наш взгляд, может обеспечить разработку теоретических многоуровневых моделей трансформации властных отношений переходного общества.

Анализ основных методологических подходов к исследованию социального механизма властных отношений позволяет выявить особенности и познавательный потенциал комплексного инновационного подхода, который представляет собой формализованный исследовательский конструкт, отражающий специфику и существенные характеристики социально-политической сферы и ее трансформации в современных российских условиях. Он отличается концептуальной универсальностью, функциональностью, многоуровневостью, взаимозависимостью, структурной разнонаправленностью. Этот подход обеспечивает целостность, динамичность и перспективность его социологического видения изучаемых процессов.

Трансформирующееся российское общество характеризуется изменчивостью, повышением уровня разнонаправленной социальной мобильности (при доминировании

горизонтальной и нисходящей), пирамидальностью социальной организации, многоукладностью, приоритетом политики над экономикой, регионализацией, всеобщей фрагментацией, институционализацией и доминированием скрытых (латентных) функций в деятельности практически всех социальных институтов в обществе. Это вызывает необходимость акцентировать внимание на взаимодействии основных субъектов процесса преобразования общества как некоторого традиционно инновационного механизма стабилизации позитивного динамического вектора транзитивного социума и проблемах оптимизации его мобилизационных импульсов в социально-политической сфере.

Проявлением трансформации власти выступают многослойность, включающая в себя государственные, партийные, общественные некоммерческие структуры и организации, временные целевые сообщества, консалтинговые и иные коммерческие структуры и пр. Это обуславливает появление институционально-матричной модели данной сферы и способствует формированию в России новой социально-политической стратегии академического капитализма, которая, сопрягаясь с информационной и образовательной эксклюзией, усиливает дискриминантные формы властных отношений в регионах по мере их удаления от центральных информационных и финансовых потоков.

С точки зрения социально-политического взаимодействия система властных отношений обнаруживает снижение интенсивности и устойчивости функциональной сопряженности с разнообразными социальными подсистемами, в том числе и с социальной стратификацией. Это проявляется в недостаточном стимулировании социальной мобильности, социального контроля, дискретности социокультурной трансляции общественно значимых политических, гражданских, патриотических норм и ценностных установок, в усилении латентных функций и социальной селективности политических структур. Одновременно это сопровождается нарастанием противоречий во властных отношениях, как по линии центр – регионы, коммерческие – бюджетные – общественные, партийные формы, так и по линии гражданско-демократического и имперско-элитического компонентов властных отношений в институциональном и массовом сознании, в разрыве между этими уровнями.

Процесс трансформации социально-политической сферы современных российских условий отличается концептуальной многоуровневостью, взаимозависимостью, структурной разнонаправленностью. Последнее обостряет противоречия между рыночными (коммерческими), дорыночными (бюджетными) и архаичными (в том числе криминальными) формами предоставления властных отношений, противоречия в социально-политическом пространстве Центра и региона, противоречия между различными уровнями политической активности, между активной поддержкой реформирования социально-политической сферы «сверху» и неоднозначным отношением (вплоть до пассивного сопротивления) «снизу». Эти противоречия выступают как проявление нарушения системного характера политической сферы.

Проведенный анализ показал, что доминирующим фактором социально-политических трансформаций в регионах выступают стратегии, определяемые вертикалью власти, особенно центра, так как региональная элита ориентирована на адаптационные стратегии. На втором месте по значимости выступает экономико-финансовый фактор, который сегодня в значительной степени взаимосвязан с территориальным, поскольку различные регионы области имеют различный уровень ресурсов и возможностей для проведения социально-ориентированной политики на принципах самофинансирования.

В условиях российского транзита выделяются три типа властных отношений: традиционно иерархичная, децентрализованно-сетевая и переходная, включающая в себя элементы предыдущих типов. Последняя, по сути, институционально-матричная модель в наибольшей степени адекватна российскому социуму. Это детерминирует функциональную трансформацию властных стратегий политической элиты и различных категорий населения, предопределяя их динамическую мобильность и смену императивов.

Региональная власть представлена всеми тремя ветвями власти – законодательной, исполнительной, судебной. В соответствии с Конституцией Российской Федерации законодательные (представительные) органы в субъектах РФ олицетворяют народное представительство и осуществляют главным образом законодательные функции, принимая

конституции (уставы), законы и другие правовые акты, утверждая бюджет. Их положение в системе органов государственной власти определяется принципом разделения властей, который закреплен во всех конституциях и уставах.

Современная российская региональная государственная служба вписана в систему разделения властей, которая дифференцирована по различным основаниям. Главное основание – это разделение власти между обществом и государством (государственным аппаратом). Общество в своих функциях реализует социально-политические аспекты властных отношений. Субъектами власти в данном случае выступают социальные общности и политико-общностные образования. Помимо социально-политических отношений на региональном и федеральном уровнях имеет место так называемые организационно-политические отношения, связанные с деятельностью государственного аппарата и органов власти, работников которых называют государственными служащими.

Помимо вышеотмеченной основной формы разделения властей существует уровневое разделение на федеральную и региональную. Сферы деятельности каждой из них различаются Конституцией РФ и другими законодательными актами. Таким образом, существует двухуровневая система госслужбы⁸. Завершающим этапом разделения властей на федеральном и региональном уровнях является их дифференциация по функциям: представительной, законодательной и исполнительной.

В социально-политическом отношении региональная власть определяется волеизъявлением граждан того или иного региона, поскольку изначально этот институт формируется и санкционируется на выборах. Избранные президенты автономий и губернаторы областей получают мандат на формирование управленческой команды. Особенностью такого формирования в современном российском обществе является административно-бюрократический метод, а не антрепренерский (предпринимательский) и не гильдийский (авторитарный). При административно-бюрократическом методе особую роль играет принцип личной преданности госслужащего первому лицу в области или автономии, а также вхождение или невхождение в клановую структуру региона.

Воля общества в данном случае преломляется через информационно-клановые отношения. Базовый или семейно-родственный (дружеский) клан реализует так называемый административный ресурс при подборе и аттестации кадров, контролирующей кадровую и финансовую политику. За базовым кланом следуют территориальные и этнические кланы, между ними и базовым кланом осуществляется постоянная конкуренция в кадровой политике. Меньшим влиянием пользуются отраслевые кланы, контролирующие ту или иную сферу торгово-посреднической деятельности. Замыкают клановую структуру кланы политического влияния, обычно эксплуатирующие политические ресурсы и политические технологии.

Властные отношения в регионе определяются во многом соотношением политических сил, доминированием в составе населения тех или иных мировоззренческих или партийно-политических концепций. С этой точки зрения в том или ином регионе выделяется особая стратегия развития, которая поддерживается государственным административным аппаратом. Идеино-политическая принадлежность имеет важное значение при подборе на работу бюрократических кадров, особенно высшего звена.

По характеру социально-политических практик можно выделить несколько моделей региональной политики. Во-первых, «консервативно-коммунистическая» модель, сущность которой заключается в сдерживании цен и доходов населения. Типичные представители – Курганская область и области Нечерноземья. Во-вторых, «национально-либеральная» модель, при которой региональные власти пытаются следовать в русле либерального реформирования со всеми его издержками. Ее придерживаются в «чистом виде» власти Нижегородской, Самарской, Владимирской областей и Москвы. Индикатор такой политики – опережающий средний уровень роста цен и доходов населения. Такую политику можно проводить лишь в тех регионах, где имеются весомые «экономические козыри». Например, в Нижегородской области ими являются нефтепереработка и машиностроение. В-третьих, «интернационально-либеральная» модель, при которой региональные власти пытаются реализовать особый статус своих регионов как свободных экономических зон, включенных в мировые

хозяйственные связи. Сейчас это уже около полутора десятков регионов, но какого-либо положительного результата ни в одном из них не видно. В-четвертых, «лоббистская социально-экономическая» модель, которой придерживаются региональные власти, имеющие в Москве своих представителей, выдвиженцев на важных государственных постах. Перечень этих регионов, открывающийся Ленинградской областью, всем известен. Следующая модель – «сепаратистская», ее типичные представители – Татарстан, Башкортостан, Якутия – нацелены на получение от федеральных властей особых привилегий. Начиная с 1992 г. эти республики перестали отчислять налоги в федеральный бюджет и в конце концов практически добились сохранения такой ситуации в договорах. Наконец, последнюю модель можно назвать «патерналистской». Ее придерживается руководство наиболее экономически и финансово несостоятельных и инвестиционно непривлекательных регионов, живущих за счет перераспределения в их пользу средств федерального бюджета. Это, к примеру, Калмыкия, Тува и некоторые регионы Севера и Дальнего Востока.

В зависимости от этих моделей видоизменяются и факторы социально-политической ментальности взаимоотношений между представителями региональных органов власти и населением: мобилизационно-коммунальная; православная хозяйственная этика; сильное государство и «догоняющая модернизация»; «просоветская», «старорусская» и др. В их реализации проявляются три основных общественно-политических фактора: а) особенности экономической ментальности общества и политического руководства, обусловленные переходным характером социальных отношений, коренной ломкой прежних общественных структур, что усиливает роль государственных, политико-властных рычагов управления вообще; б) содержание функции бюрократии как социального элемента управленческих отношений вообще, независимо от ситуации в обществе, его политико-экономической специфики; в) генетическая связь и преемственность от бывшей коммунистической номенклатуры, поскольку в государственном аппарате много выходцев из нее, зачастую использующих прежние методы руководства.

Эта генетическая связь обнаруживается в попытках превращения власти в универсальный рычаг управления, в сращивании государственного аппарата и политической партии (Единая Россия), в бюрократизации управления. Это обстоятельство необходимо учитывать для объективной комплексной многоуровневой оценки трансформации властных отношений в России и регионе.

Примечания

- ¹ См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986; Колинвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980; Шардек П.Т. *Феномен человека*. М., 1987; Шпенглер О. *Закат Европы*: В 2 т. М., 1993. Т.1; 1998. Т.2; Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М., 1994; Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М., 1991; *Он же*. *Цивилизация перед судом истории*. М., 1996; Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. М., 1994; Понтер К.Р. *Открытое общество и его враги*: В 2 т. М., 1992; Рикер П. *Герменевтика, этика, политика*. М., 1995; *Он же*. *Герменевтика и метод социальных наук*. М., 1995; Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов*. М., 1989. С.319; Фромм Э. *Душа человека*. М., 1992; Фуко М. *Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности*. М., 1996; Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Правдивость*: Моск. лекции и интервью. М., 1995; Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII века*: В 3 т. М., 1992; Бродель Ф. *Динамика капитализма*. Смоленск, 1993; Валлерстайн И. *Развитие: путеводная звезда или иллюзия? // Глобальные и региональные перемены в работах Иммануила Валлерстайна*. М., 1998.
- ² Берояев И. *Самопознание*. М., 1991; *Он же*. *Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы*. М., 1990; *Он же*. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989; Дитяковский Н.Я. *Россия и Европа*. СПб., 1995; Карсавин Л.П. *Философия истории*. СПб., 1993; Ключевский В.О. *Дневники. Афоризмы и мысли об истории*. М., 1968; Соловьев А.И. *Три облика государства – три стратегии гражданского общества*. М., 1998; Соловьев В.С. *Сочинения*: В 2 т. М., 1989; Сорокин П.А. *Человек, цивилизация, общество*. М., 1992; Шпет Г.Г. *Сочинения*. М., 1989 и др.
- ³ Абдеев Р.Ф. *Философия информационной цивилизации*. М., 1994; Аносов С.Ю. *Наше прошлое, настоящее и будущее // Постижение*. М., 1989; Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*: В 2 т. М., 1999; Барх М.А. *Цивилизационная методология: историографический контекст // Международные исследования*. 1993. №7; Богданов А.А. *Технология. Весообщая организационная наука*: В 2 кн. М., 1989; Вартышарова А.С. *Восхождение в XXI век (К вопросу о «новом социализме»)*. М., 1997; Вернадский В.И. *О науке*. Дубна, 1997. Т.1; Горюшнко А.И. *Макрокультуры в контексте коэволюционного развития человечества*. Новосибирск, 1997; Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. М., 1994; *Он же*. *Конец и вновь начало*. М., 1994; Данилов А.Н. *Переходное общество: Проблемы системной трансформации*. М., 1998; Дзарасов С.С. *Российский путь: либерализм или социал-демократизм*. М., 1994; Дьяконов И.М. *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М., 1994; Иноземцев В.Л. *За пределами экономического общества*. М., 1998. *Он же*. *Расколотая цивилизация*. М., 1999; Шиньков А.А. *Запад. Феномен западизма*. М., 1995. *Он же*. *Коммунизм как реальность*. М., 1994; *Он же*. *Конец российского эксперимента*. М., 1995. *Кара-Мурза С.Г.* *Евроцентризм. Скрытая идеология перестройки*. М., 1996; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. *Теория и история: проблемы теории исторического процесса*. М., 1981; Конрад Н.И. *Запад и Восток*. М., 1972; Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. *Модернизация России: Мировой опыт и наши перспективы // Кедр*. 1992. Май-июль; Крылов В.В. *Теория формаций*. М., 1997; Моисеев И.И. *Причины крушения и рычаги процветания // Российская провинция*. 1994. №2; *Он же*. *Современный рационализм*. М., 1995; *Он же*. *Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993*. М., 1997; *Он же*. *Мировое сообщество и судьба России*. М., 1997; *Он же*. *Время определять национальные цели*. М., 1997; *Он же*. *Судьба цивилизации: Путь Разума*. М., 1998; *Он же*. *С мыслями о будущей России*. М., 1997; *Он же*. *Расставание с простотой*. М., 1998; Осипов Г.В. *Экономика и политика*. М., 1995; *Он же*. *Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты*. М., 1997; Осипов И.И. *Философия русского либерализма XIX – начала XX в.* СПб., 1996; Пашарин А.С. *Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке*. М., 1998; *Он же*. *Философия политики: Учеб. пособие для студентов вузов*. М., 1996. *Он же*. *Вторая Европа или третий Рим: Избранная социально-философская публицистика*. М., 1996; *Он же*. *Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке*. М., 1998; Папкин В.И. *Циклы и ритмы истории*. Рязань, 1996; Черняк Е.Б. *Цивилизография. Наука о цивилизации*. М., 1996; Юзвизин И.И. *Информациология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной*. М., 1996.
- ⁴ Тельман В.Я. *Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция*. М., 1999; Мельвиль А.Ю. *Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)*. М., 1999; *Социальные трансформации в Европе XX века / Сост. М.Б. Корчагина*. М., 1998; Картов В.В. *Социально-экономические основы региональной политики в условиях трансформации общества: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук*. М., 1998; Хайрулов Д.С. *Формирование системы государственного регулирования социально-экономической трансформации субъекта Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук*. М., 1997; Щегольцев А.А. *Социализация молодежи в условиях макроэкономической трансформации российского общества: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук*. М., 1998 и др.
- ⁵ Заславская Т.И. *Трансформационный процесс в России: социоэкономический аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной*. Новосибирск, 1999. С.149–167; Красильщиков Д.Г. *Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918 гг., 1985–1993 гг.): опыт сравнительного анализа*. Пермь, 1998; Castles S. *Studying Social Transformation // Intern. Political Science Review*. 2001. Vol.22. №1. P.13–33; Genov N. *Global Trends and Eastern European Societal Transformations // Intern. Social Science J.* 2000. Vol.52. №166. P.531–569; Kollontai V. *Social transformations in Russia // Intern. Social Science J.* 1999. Vol.51. №159. P.99–107; Sanderson S. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Lanham, 1999. 345 p.; Smelser S. *Social transformations and social change // Intern. Social Science J.* 1998. Vol.50. №156. P.165–178.

⁶ *Беляев Э.В.* Трансформация: у каждой страны уникальный путь // Социс. 2002. №10. С.37–44; *Наумова И.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Под ред. В.Н. Садовского. В.А. Ядова. М., 1999. 176 с.; *Панов И.В.* Трансформации политических институтов в России: Крестоморальный сравнительный анализ // Политические исследования. 2002. №6. С.15–27; *Поздняков А.В.* Стратегия российских реформ. Томск, 1998. 324 с.; *Fedotova V.* The Criminalization of Russia: Autochthonous Capitalism as a Reaction to Right-Wing Radicalism // Sociological Research. 2002. Vol.41, №5. P.30–59.

⁷ *Короина С.Г.* Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия. М., 2001; *Она же.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000; *Порт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

⁸ В ст.77 Основного закона установлено, что федеральная государственная служба находится в ведении Российской Федерации. Это как бы косвенно закрепляет, что госслужба субъектов Федерации находится в их ведении. Предусмотрено и совместное ведение Федерации и ее субъектов – службы судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат и пр.

УДК [316.74:37](470.44-25)

ПОДГОТОВКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В САРАТОВСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра социальной информатики
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассмотрены основные формы и методы подготовки социологов-профессионалов на базе Центра региональных социологических исследований Саратовского государственного университета.

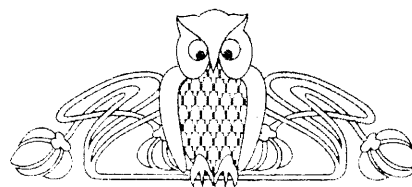
Training of Sociologists in Saratov State University: Present State and Future Trends

I.G. Malinsky

The article examines the main forms and methods to train professional sociologists at the Center of Regional Sociological Studies of Saratov State University.

Состояние социологического образования характеризуется двумя факторами: возрождением отечественной социологии и возможностями у большинства студентов-выпускников самореализации в различных сферах профессиональной деятельности, где востребовано умение собирать и анализировать социальную информацию.

Решение проблемы профессиональной самореализации зависит от двух основных причин: готовности студентов к научной работе и желания приобрести практические навыки проведения социологических исследований. Очевидно, что существующий интерес к социальному знанию гораздо шире, нежели готовность эти знания и навыки получить, что проявляется и в учебной литературе, посвященной методам эмпирического исследования, которая является в определенном смысле программной для отечественной

социологии. В ней представлена попытка систематического и соразмерного освещения целостной проблематики и именно она является базовой при подготовке специалистов.

Анализ показал, что учебная литература по методам эмпирической социологии достаточно разнородна. Здесь есть полномасштабные учебники с классическим набором тем, отдельные статьи в журналах и специальные разделы в учебниках по социологии под традиционным названием «социологическое исследование», «методология и методы социологического исследования» и т.п. В настоящее время имеется достаточно много таких (отечественных и переведенных) учебных пособий, среди которых наибольшей популярностью у студентов пользуются работы В.А. Ядова, В.Г. Гречихина, Ст. Михайлова, В.Н. Шубкина, ряд коллективных трудов. Однако следует отметить, что практически все они написаны 10–25 лет тому назад и сейчас в лучшем случае переиздаются. Появилось много новой литературы по общей социологии, где есть обязательный раздел, отдельно рассматривающий эмпирические методы.

Однако анализ их содержания показал определенное сходство большинства работ. Содержание делится, как правило, на три примерно равные части. В первой речь идет о теории и методологии социологических